This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

AS
262
A64P7
v.1-2
1832-33
SAL
AKAD. NAUK
S.S.S.R.
PRISUZHDENIE
UCHREZHDENNYKH...
STANFORD
LIBRARIES
Stanford University Libraries
3 6105 121 179 902

Библ. Вилен. обсер
Отд. X
№ 12.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
Stacks
NOV 6 1979

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ОТЧЕТЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

О ЧЕТВЕРТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ

УЧРЕЖДЕННЫХЪ

КАМЕРГЕРОМЪ П. Н. ДЕМИДОВЫМЪ

ПРЕМІЙ

ЗА 1834 ГОДЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ И ЧИТАННЫЙ

ПЕПРЕМѢННЫМЪ СЕКРЕТАРЕМЪ АКАДЕМІИ

ВЪ ПУБЛИЧНОЕ ЗАСѢДАНІЕ

17-го Апрѣля 1835 года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ

1835.

Къ соисканію премій на 1834 годъ поступило въ срокъ не болѣе 11 сочиненій, всѣ на Русскомъ языкѣ, и въ томъ числѣ одно только рукописное. Отдѣлъ Исторіи и вспомогательныхъ ея наукъ былъ самый многочисленный; а именно изъ конкурсныхъ сочиненій было три собственно историческихъ, одно о Русской Нумизматикѣ, и одно археологическое. Далѣе два медицинскія, одно математическое, одно философическое, одно антропологическое и одно о Русскомъ языкоученіи. Сверхъ того безъ вѣдома авторовъ приняты къ конкурсу: Общій Церковно-Славяно-Россійскій Словарь, коего сочинитель, Г. Соколовъ, въ послѣдствіи времени скончался, и рукописная лѣтопись города Великаго Устюга, присланная Г-номъ Генералъ-Адъютантомъ Ушаковымъ съ просьбою, чтобы Академія за сей трудъ опредѣлила какое нибудь вспоможеніе оставшемуся въ бѣдномъ состояніи семейству также умершаго недавно автора. Пять изъ сихъ сочиненій, не касавшихся до разбора Академіи, были изслѣдованы посторонними учеными; прочія восемь нашли себѣ знающихъ и безпристрастныхъ цѣнителей въ нѣдрахъ самой Академіи.

Изъ сихъ пятнадцати сочиненій укажемъ прежде всего на

Введеніе въ науку философіи Г-на Сидонскаго. Удовлетворить потребности, день отъ дня болѣе ощутительной при быстрыхъ успѣхахъ наукъ въ Россіи,—потребности ознакомить наше юношество также съ выводами философскихъ изысканій; возбудить въ способныхъ умахъ охоту и ревность къ дальнѣйшимъ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ; вести ихъ надежною стезею къ развитію душевныхъ силъ и предостеречь отъ пагубной самонадѣянности и заблужденій умозрительства; но съ другой стороны расположить и публику къ умѣ-

реннѣйшимъ сужденіямъ о философскихъ опытахъ, — такова, по словамъ автора, достохвальная цѣль, которую онъ предположилъ себѣ въ семъ сочиненіи. И такъ мы видимъ, что его Введеніе въ науку философіи отнюдь не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ философскихъ энциклопедій или первоначальныхъ учебныхъ книгъ по сей части; хотя она слегка и касается нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ сюда относящихся вопросовъ, какъ то объ основаніи и цѣли философіи, о ея пространствѣ и соприкосновеніи частей между собою, о приличнѣйшемъ способѣ философствованія, объ отношеніи философіи къ прочимъ наукамъ и такъ далѣе. Конечная цѣль сочиненія Г-на Сидонскаго состоитъ въ томъ, чтобы объяснить достойнымъ образомъ всю важность философскихъ задачъ, обнадежить въ возможности ихъ рѣшенія и наконецъ опровергнуть недоразумѣнія и вкоренѣлые предразсудки, съ тѣмъ, чтобы покрайней мѣрѣ расчистить поле, на которомъ умы, болѣе даровитые, могли бы воздвигнуть зданіе философскихъ своихъ соображеній.

Чтобы удостовѣриться, въ какой мѣрѣ Авторъ разрѣшилъ свою задачу, Академія препроводила сочиненіе его въ здѣшній Университетъ, коего историко-юридическій факультетъ передалъ его на разсмотрѣніе Г-ну Профессору Фишеру. Подробная и основательная рецензія сего ученаго руководила мнѣніемъ Академіи. Извлеченіе существеннаго содержанія книги на одиннадцати страницахъ ин-фоліо мелкаго письма достаточно убѣдило Академію, что Авторъ дѣйствительно обладаетъ философскимъ даромъ и при самостоятельномъ впрочемъ воззрѣніи на свою науку, придерживается преимущественно Нѣмецкой школы, коротко ему знакомой. Вся книга его дышетъ живѣйшимъ воодушевленіемъ въ пользу науки, слогъ его вездѣ благороденъ, выдержанъ и вполнѣ соотвѣтствуетъ достоинству предмета, мѣстами же по ораторскому краснорѣчію и сильному выраженію чувства возносится даже выше простаго дидактизма. Но болѣе всего мы хвалимъ слогъ его за ясность и правильность, тѣмъ болѣе, что

сіи достоинства сполъ рѣдко встрѣчаются въ собственно философическихъ сочиненіяхъ. — Правда рѣчь его иногда разливается также попокомъ, кое гдѣ выступающимъ изъ береговъ своихъ, попадаются излишнія повторенія любимыхъ мыслей и иныя темы, какъ то объ общемъ смыслѣ человѣческомъ, возобновляются многократно. Но сей недостатокъ, явно произтекающій отъ избытка чувствъ гораздо менѣе предосудителенъ, нежели другой, который существенно вредитъ единству и общему впечатлѣнію книги. При внимательномъ ея чтеніи замѣтно, что она не сплошъ писана въ одинаковомъ смыслѣ и духѣ. Напротивъ того идеи Автора при постепенномъ обработываніи предмета болѣе и болѣе совершенствовались и прояснялись; но со всѣмъ тѣмъ сія перемѣна въ образѣ мыслей не оказала надлежащаго обратнаго дѣйствія на прежде изготовленныя части. Мы не утверждаемъ, чтобы отъ этого произошло явное противорѣчіе между началомъ и концемъ сочиненія. Этого нельзя ожидать отъ сполъ умнаго писателя; но всякій, кто знакомъ съ философскою методою, замѣчаетъ нѣкоторую несообразность, гораздо важнѣйшую для общей идеи о философіи, нежели какія либо отдѣльныя погрѣшности противъ логики. Академія въ полной мѣрѣ раздѣляетъ мнѣніе рецензента, что сполъ существенное измѣненіе видовъ Автора въ началѣ и послѣдующихъ частяхъ его творенія конечно долженствовало бы побудить его, въ слѣдъ за первою отдѣлкою приняться за совершенную переработку сочиненія по новымъ, болѣе созрѣвшимъ, идеямъ, дабы тѣмъ привести части отдѣльныя части въ надлежащее между собою согласованіе. Таковыя поправки лишь изрѣдка попадаются въ первой половинѣ книги, гдѣ Авторъ нѣсколько смягчилъ утверждаемую имъ объективность философіи и мѣстами ввелъ выраженія, заставляющія предугадывать другое болѣе субъективное окончаніе. Но это вовлекло его въ какую то нерѣшимость и зыбкость, которая должна показаться странною изучающемуся философіи и не способна внушить ему особенное довѣріе къ его наукѣ.

Такъ во многихъ мѣстахъ, и именно въ такихъ, гдѣ идетъ дѣло о весьма важныхъ пунктахъ, въ отношеніи къ которымъ отъ Философа-наставника можно бъ было ожидать утвержденнаго на твердѣйшихъ основаніяхъ мнѣнія, мысли выражены нерѣшительнымъ и двусмысленнымъ образомъ. Если Авторъ, можетъ быть, опасался излишнею опредѣлительностью своихъ положеній впасть въ догматическій тонъ, то мы сожалѣемъ, что онъ по чрезмѣрной скромности увлекся въ противоположную крайность, которая кажется намъ еще болѣе несовмѣстною съ цѣлію введенія въ философію. По нашему мнѣнію всякое подобное сочиненіе можетъ придерживаться догматическаго тона, ибо если читатель дѣйствительно имѣетъ философскій даръ, то уже самъ собою заблаговременно пробудится въ немъ скептицизмъ, между тѣмъ какъ перенести слабые или по крайней мѣрѣ не самостоятельные умы въ неопредѣленную средину, значило бы не оказать имъ большой услуги, потому что слабость ихъ именно и состоитъ въ томъ, что они собственнымъ своимъ размышленіемъ не могутъ дойти до твердаго убѣжденія. Наконецъ главное нареканіе, которое, по мнѣнію Г-на Фишера, заслуживаетъ сочиненіе Г-на Сидонскаго, заключается въ томъ, что Авторъ, самъ поставивъ себѣ вопросъ: что такое истина для человѣка? на какихъ послѣднихъ доводахъ основываются его убѣжденія, и какіе суть условія и предѣлы его познанія? и сказавъ, что рѣшеніе сихъ задачъ составляетъ, если не послѣднюю цѣль, то по крайней мѣрѣ неопровержимое основаніе всякаго здраваго философствованія, потомъ самъ отринувъ сей ходъ, предпринимаетъ развить сущность философіи, ея отличительныя черты и соотношенія къ другимъ наукамъ и къ жизни; тогда какъ все это не иначе можетъ быть опредѣлено, какъ на основаніи выводовъ, извлекаемыхъ изъ познавательной способности.

И такъ хотя мы главное достоинство означенной книги не полагаемъ ни въ глубокомысленномъ, полновѣс-

номъ содержаніи, ни въ строгомъ единствѣ и соотвѣтствіи частей, ни наконецъ въ какихъ либо новыхъ обширныхъ видахъ, которые можно бы было принять за первообразъ самобытно возникающей у насъ собственной философіи, но со всѣмъ тѣмъ мы радуемся, находя въ ней явную печать истиннаго философскаго дара. Нѣкоторыя части книги имѣютъ свое высокое достоинство и мы причисляемъ сюда особенно постепенное раскрытіе предметовъ философскаго изслѣдованія. Прекрасныя мысли содержатся также въ очеркѣ отличительныхъ коренныхъ задачъ философіи, хотя здѣсь слишкомъ много придано вѣсу Декартовскому Скептицизму, и въ указаніи отношенія философіи, какъ науки, къ общественному быту. Что касается до мнѣнія Автора объ отношеніи между откровенною Религіею и Философіею, то мы отнюдь не считаемъ себя въ правѣ произнесть объ этомъ предметѣ какое либо сужденіе. Авторъ, самъ состоя въ званіи Священника и Законоучителя, конечно лучше насъ постигаетъ ученіе церкви о семъ отношеніи и сверхъ сего догматы Религіи не подлежатъ разбирательству. Книга Г-на Сидонскаго является намъ едва ли не единственнымъ самостоятельнымъ опытомъ Философіи въ Россійской Литературѣ и если бы даже главное ея достоинство заключалось въ созданіи сродной духу Русскаго языка философской терминологіи, что уже само по себѣ можетъ почесться важнымъ шагомъ къ споспѣшествованію въ Россіи философскаго ученія, то она по сей уже причинѣ, какъ и по своей возвышенности и достойной выдержкѣ и по искусному и ясному изложенію мыслей должна была заслужить единодушное одобреніе Академіи, которая по сему уваженію необинуясь присудила сему сочиненію первую награду.

Во второмъ конкурсномъ сочиненіи:

Историческомъ обозрѣніи Ойратовъ или Калмыковъ съ XV столѣтія до настоящаго времени, соч. Монахомъ Іакинѳомъ,

мы имѣемъ предъ собою одну изъ тѣхъ книгъ, которо-

рыя принадлежатъ къ рѣдкимъ явленіямъ Русской литературы, потому что распространяются о такихъ областяхъ познанія, которыя не всякому доступны, и безъ тщательнаго изученія источниковъ вовсе недостижимы, и потому что въ нашемъ отечествѣ къ сожалѣнію еще мало находится людей, въ которыхъ была бы пробуждена наклонность, и которые при надлежащемъ развитіи обладали бы достаточнымъ запасомъ познаній, чтобы съ успѣхомъ и къ обогащенію науки подвизаться на подобныя работы. Тѣмъ болѣе долженъ радоваться не только всякій, кто посвятилъ себя симъ отраслямъ наукъ, но и тотъ кто ревностно желаетъ столь необходимаго ихъ распространенія въ отечествѣ, если по временамъ возникаютъ у насъ сочиненія, удовлетворяющія хотя главнымъ на нихъ требованіямъ т. е. основательному знанію языка и предмета и единственно возможной чрезъ то обработкѣ самихъ источниковъ. Пусть сіи источники покамѣстъ происхекаютъ и разрабатываются только съ одной стороны; уже дѣльная, тщательная, совѣстливая, хотя и частная возделка ихъ должна почесться не маловажною услугою, ибо едва ли скоро найдется кто либо, который былъ бы въ состояніи надежно обнять всѣ источники и воспользоваться ими съ надлежащею точностію и критическимъ духомъ.

Отецъ Іакинѳъ, Авторъ вышесказанной книги, слыветъ, какъ извѣстно, однимъ изъ основательнѣйшихъ знатоковъ Китайскаго языка. Онъ стяжалъ сію славу изданіемъ въ свѣтъ цѣлаго ряда вышедшихъ одно въ слѣдъ за другимъ сочиненій о разныхъ странахъ и народахъ Средней Азіи и ихъ исторіи, почерпнутыхъ имъ изъ обильныхъ источниковъ Китайской литературы. Важнѣйшія изъ сихъ уже прежде изданныхъ сочиненій суть: Описаніе Тибета 1 томъ. 8., Описаніе Чжуньгаріи и Восточнаго Туркестана 2 тома. 8., Записки о Монголіи 2 тома. 8., Исторія первыхъ четырехъ Хановъ изъ дома Чингисова 1 томъ. 8., Исторія Тибета и Хухунора 2 тома. 8. Къ симъ не менѣе новымъ и обильнымъ, столь-

ко и разнообразнымъ, хотя впрочемъ касающимся только одной — но доселѣ въ важнѣйшихъ ея отношеніяхъ почти неизвѣстной области, присоединяется достойнымъ образомъ и предлежащее твореніе. Оно даже еще важнѣе и занимательнѣе для насъ, изображая судьбы народа, который частію въ слѣдствіе внутреннихъ раздоровъ, частію по добровольной Политикѣ значительными массами отдался подъ покровительство Россійской Имперіи и водворился въ Русскихъ владѣніяхъ.

Сочиненіе раздѣляется на два, по объему почти равныя отдѣленія, изъ которыхъ первое надписано Чжуньгарскіе, а второе Волжскіе Калмыки. Первое наименованіе, замѣчаетъ Г. Академикъ Шмидтъ, невѣрно потому, что повѣствуется не объ однихъ только Чжуньгарахъ, а о четырехъ Ойрадахъ вообще, изъ каковыхъ Чжуньгары образуютъ одно только племя, которое притомъ лѣтъ за восемдесятъ предъ симъ совершенно истреблено Китайцами, за изключеніемъ нѣкоторыхъ слабыхъ остатковъ. Впрочемъ вышеупомянутое наименованіе кажется не столько заимствовано отъ преобладавшаго нѣкогда племени сего же названія, сколько отъ страны, которую Авторъ по примѣру нѣкоторыхъ другихъ писателей, во уваженіе бывшаго тамъ въ то время главнаго кочевья или орды племени, обложилъ именемъ Чжуньгаріи.

Главную и притомъ самую занимательную часть своей книги Авторъ заимствовалъ изъ Китайскихъ донесеній о событіяхъ народовъ Ойрадскаго племени; не преминувъ однако воспользоваться также донесеніями своихъ предшественниковъ, и хранящимися въ архивахъ свѣдѣніями на счетъ пограничныхъ сношеній съ Россіею и переселенія въ Россійскія владѣнія цѣлыхъ ордъ Калмыковъ. Что касается до происхожденія разныхъ Ойрадскихъ племенъ и классификаціи древнихъ народовъ Средней Азіи вообще, Авторъ, опираясь на источникахъ, состоявшихъ въ его распоряженіи, пребылъ вѣренъ прежнимъ своимъ идеямъ, хотя они навлекли ему жестокое противорѣчіе со стороны Парижскихъ Оріенталистовъ по сей части. Мы не

можемъ однако не похвалить его за сіе постоянство, тѣмъ болѣе, что Парижане вмѣсто историческихъ доводовъ также ссылаются на одни только предположенія, и притомъ довольно зыбкія. Особенное украшеніе книги составляетъ вѣрное почти сплошь правописаніе именъ. Коммиссары наши тамъ и сямъ открыли ошибочныя перестановки слоговъ, но и эти погрѣшности весьма рѣдки, и тѣмъ болѣе извинительны, что сами подлинники, которыми пользовался Авторъ нерѣдко искажены подобными промахами, особенно въ именахъ, заимствованныхъ съ языка Санскритскаго. Важнѣе сего другая ошибка, которую замѣтили наши Оріенталисты и о которой мы не можемъ умолчать здѣсь, потому что она могла бы послужить къ укорененію превратной исторической идеи.

Авторъ на стр. 13 и слѣдующихъ говоритъ о могущественномъ Ханѣ, по имени Элюпай, который будто бы въ началѣ 15-го вѣка соединилъ подъ верховною своею властію всѣ племена Монголовъ, присовокупляя въ особомъ замѣчаніи, что имя Элюпъ (по надлежащему Эгеледъ или Элэпъ) придаваемое Ойрадамъ Монголами и Китайцами, заимствовано отъ имени сего владѣльца. Но въ самомъ дѣлѣ никогда не бывало ни Государя, ни вообще историческаго лица сего имени, и Авторъ, отлично знающій по Китайски, но не знакомый съ языкомъ Монгольскимъ, здѣсь очевидно принялъ названіе народа за имя недѣлимаго. Элюпай есть искаженное Китайцами Монгольское слово Арупай, каковое имя, по яснóму свидѣтельству Исторіи Монгольскихъ племенъ, отложившіеся отъ своихъ единоземцевъ и послѣдовавшіе собственной Политикѣ Ойрады получили отъ Монголовъ, не задолго до изгнанія сихъ послѣднихъ изъ Китая. Слово Арупай означаетъ *отложившихся, отсталыхъ;* подобное значеніе имѣетъ и Татарско-Турецкое слово Кгалмакъ, которымъ Ойрады, называются у Турокъ Малой Бухаріи. Сіе имя Кгалмакъ, отъ котораго произошли Русское *Калмыкъ* и прочія Европейскія наименованія Kalmücken, Calmouk и т. д. вошло впрочемъ въ обыкновеніе у Волжскихъ поколѣній сего народа, кото-

рые, не покинувъ однако и имени Ойрадъ, называютъ себя сами Халимаками. Имя Эгеледъ или Элэтъ, означающее *недовольныхъ, ропщущихъ*, принадлежитъ уже позднѣйшему времени. Оно не спарѣе нынѣ царствующей въ Китаѣ Династіи, и есть приданное Ойрадамъ Монголами и переня̀тое отъ сихъ послѣднихъ Китайцами бранное имя, которое, какъ само собою явствуетъ, никогда ни было признаваемо самимъ народомъ а напротивъ того почитается за оскорбленіе.

Само собою разумѣется, что сія неважная замѣшка ни мало не уменьшаетъ достоинства новѣйшаго сочиненія Отца Іакинѳа. Но соображая малый объемъ и довольно дробную занимательность онаго, Академія усомнилась бы опредѣлить Автору полную премію, еслибъ не сочла справедливымъ принять при семъ случаѣ въ уваженіе также вышеисчисленныя нами значительные труды сего Автора, которые всѣ изданы имъ въ новѣйшее время и снискали ему отличную славу въ ученомъ свѣтѣ.

Третье сочиненіе, которое Академія также увѣнчала полною премію, есть уже выше приведенный

Общій Церковно-Славяно Россійской Словарь

недавно умершаго Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Соколова, Библіотекаря нашей и Непремѣннаго Секретаря Россійской Академіи. Судя по полному заглавію сего сочиненія, можно ожидать въ немъ собраніе всѣхъ употребительныхъ въ Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкахъ словъ, и равномѣрно Технические термины изъ области Богословія, Философіи, Математики, Естественной Исторіи, Правовѣдѣнія, Военнаго искусства, Торговли, Художествъ, Ремеслъ и проч. Трудъ сей заключающій въ себѣ, въ видѣ дополненія, заимствованныя изъ Грамматики Г-на Востокова таблицы склоненій и спряженій Русскаго языка, былъ предпринятъ по порученію Высочайше учрежденнаго Комитета Устройства Учебныхъ Заведеній. По отпечатаніи своего Словаря, Авторъ поднесъ Академіи одинъ экземпляръ, не изъявивъ впрочемъ желанія соискательст-

ствовать въ конкурсѣ; но какъ въ 1833 году подобному творенію, Этимологическому Лексикону Г-на Рейфа, присуждена была премія и Словарь Соколова, будучи совершенно отпечатанъ, имѣетъ предъ нимъ право старшинства, да и самъ Г. Рейфъ публично сознался, что пользовался имъ при составленіи своего труда, то Академія нашла справедливымъ допустить его къ конкурсу нынѣшняго года. Она пригласила своихъ Членовъ-Корреспондентовъ, Гг. Коллежскихъ Совѣтниковъ Востокова и Кеппена, озаботиться просмотрѣніемъ сего Словаря и получила отъ послѣдняго изъ нихъ весьма основательную рецензію, изъ которой мы извлекаемъ нижеслѣдующее:

Полнота и *исправность* суть тѣ свойства, отъ которыхъ главнѣйше зависитъ достоинство Словаря. Если Лексикографъ предположилъ себѣ задачею составить словарь какого нибудь языка въ современномъ видѣ, то столь же мало можно ожидать отъ него толкованія обветшалыхъ словъ, какъ и такихъ, которыя еще не получили право гражданства. Если словарь назначенъ вмѣщать въ себѣ одинъ только письменный языкъ, то не должно искать въ немъ словъ и выраженій, свойственныхъ только разнымъ мѣстнымъ нарѣчіямъ. Но коль скоро кто обязывается представить ученому свѣту языкъ какого либо народа во всемъ его объемѣ, то онъ долженъ уважить всѣ оттѣнки языка, не только употребляемые въ высшей сферѣ образованнаго свѣта и въ кругу ученыхъ, художниковъ и ремесленниковъ; но и въ житейскомъ быту простаго селянина. Таковъ по былъ обширный трудъ, на который подвизался Г. Соколовъ и нѣтъ сомнѣнія, что подобное предпріятіе приноситъ ему величайшую честь, хотя донынѣ по весьма естественнымъ причинамъ не выполнимо во всемъ пространствѣ. Таковый полный словарь Русскаго языка долженъ быть совокупленіемъ множества отдѣльныхъ словарей, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ требуетъ чрезвычайныхъ усилій и основательныхъ разысканій, сличеній и даже стеченія благопріятныхъ случайностей. У насъ все

еще ново; еще нѣтъ словарей по разнымъ наукамъ; терминологія многихъ частей еще вовсе не создана, въ другихъ водворена иностранцами вопреки свойствамъ Русскаго языка. Къ словарямъ Наукъ математическихъ и естественныхъ теперь только что подаютъ намъ надежду. Выраженія техническія искуствъ и ремеслъ подлинно-Русскія или обрусѣвшія еще не обратили на себя надлежащаго вниманія и еще не вставлены въ наши словари, которые въ строгомъ смыслѣ должны бъ были вмѣщать въ себѣ также техническія слова, употребляемыя въ торговлѣ, — по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя повседневно встрѣчаются въ прейсъ-курантахъ, не будучи замѣнены однознаменательными словами Русскими. Равнымъ образомъ еще не собраны и не пояснены слова, попадающіяся въ старинныхъ книгахъ и документахъ, тогда какъ послѣ изданія въ свѣтъ Исторіи Карамзина можнобъ было по справедливости ожидать, что объясненныя имъ слова будутъ включены въ вышедшіе съ того времени лексиконы.

За симъ Г. Кеппенъ переходитъ къ указанію замѣченныхъ имъ въ словарѣ пропусковъ. Сіи замѣчанія касаются выраженій свойственныхъ языку Церковному и встрѣчаемыхъ въ древнихъ документахъ и лѣтописяхъ; но опущенныхъ въ словарѣ. На счетъ сихъ послѣднихъ Г. Рецензентъ дѣльно замѣчаетъ, что и такія слова должны бы быть вносимы, коихъ смыслъ еще не разгаданъ, а именно для того, чтобы обратить на нихъ большее вниманіе Филологовъ. Далѣе, слова, перенесенныя въ Русскій языкъ изъ Татарскаго и другихъ языковъ Восточныхъ; а равномѣрно Европейскихъ. Напротивъ того въ словарѣ приняты нѣкоторыя иностранныя слова, для которыхъ на Русскомъ языкѣ имѣются равнозначущія; а опущены другія, не менѣе того употребительныя. Наконецъ Г. Кеппенъ указываетъ еще на разные пропуски подлинно-Русскихъ словъ, выраженій областныхъ и проспонародныхъ и замѣчаетъ, что при такихъ словахъ, коихъ правописаніе

сомнительно, надлежало бы приводить разные виды, подъ которыми они встрѣчаются у хорошихъ писателей.

Если съ другой стороны нашъ Рецензентъ приводитъ, что Словарь Соколова есть первый послѣ Академическаго, что онъ вмѣщаетъ въ себѣ гораздо большее число словъ (по примѣрному расчету около 74,000), что приводимыя въ немъ толкованія словъ, за исключеніемъ только малаго числа, суть дѣйствительныя опредѣленія, какихъ должно ожидать отъ хорошаго словаря, а не подробныя описанія, и что наконецъ недостатки, подобно вышеобозначеннымъ, почти неизбѣжны при столь огромномъ предпріятіи, то Академія не могла не присудить сему творенію полной преміи, и пользуясь симъ случаемъ, публично объявляетъ свое желаніе, чтобы впредь Русскіе Ликсикографы не упускали, буде возможно, совѣтоваться съ учеными на счетъ терминологіи наукъ, дабы придать своимъ трудамъ въ этомъ отношеніи потребную полноту и вѣрность.

Четвертое сочиненіе, обратившее на себя, послѣ трехъ выше поименованныхъ, вниманіе Академіи, имѣетъ заглавіемъ:

Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ.

Оно напечатано въ Москвѣ прошедшаго года съ 28 литографированными чертежами, изображающими древнія Русскія серебряныя и мѣдныя монеты, и издано Г-номъ Полковникомъ Черткovымъ. Какъ любитель и прилежный собиратель Русскихъ монетъ, онъ не имѣлъ въ виду написать Исторію отечественной Нумизматики. Онъ знаетъ, что подобное предпріятіе сопряжено у насъ съ большими трудностями и требуетъ болѣе времени и терпѣнія, нежели гдѣ либо, и самъ изъясняется объ этомъ въ предисловіи; но полагая что для достиженія сей конечной цѣли необходимо издать въ свѣтъ описи и изъясненія древнихъ Русскихъ монетъ, находящихся въ разныхъ коллекціяхъ, онъ самъ поспѣшилъ подать примѣръ, достойный подражанія другихъ собирателей. Точ-

ность его въ описаніи подробностей, совѣстливость въ приведеніи даже мелочей, каковы напр. точки и проч. здѣсь не только не неумѣстна, но еще заслуживаетъ большую похвалу; потому что безъ этого подобная книга была бы совершенно безполезна любителямъ монетъ; чертежи по большей части хороши, нѣкоторые даже отлично литографированы, и жаль только то, что коллекція его не была обширнѣе и что онъ не всегда имѣлъ въ своемъ распоряженіи хорошіе образчики монетъ, отъ чего мѣстами вкрались небольшія неисправности; его описанія хотя и коротки, но ясны; извлекаемые имъ выводы обыкновенно вѣрны и удовлетворительны и только изрѣдка нельзя согласиться съ его мнѣніемъ. Таково вообще сужденіе, которое Г-нъ Кругъ произнесъ о сочиненіи Г-на Черткова. Принимая въ семъ дѣлѣ живое участіе, онъ не убоялся труда сличить со всевозможною точностью описанныя въ предлежащемъ сочиненіи монеты съ хранящимися въ собственной его богатой коллекціи, — каковый трудъ, уже доведенный имъ до половины, далъ ему способъ сообщить Автору множество замѣчаній, которыя онъ можетъ со временемъ издать въ видѣ дополненія къ своей книгѣ или воспользоваться ими при второмъ ея изданіи. По части Русско-Татарскихъ монетъ, сужденіе принадлежало Г-ну Френу, который также былъ избранъ Коммиссаромъ для разсмотрѣнія сего труда; но не могъ изъявить своего мнѣнія, потому что на чертежахъ Татарскія надписи означены только точками. Впрочемъ и Г. Френъ письменно обѣщалъ Автору свое содѣйствіе. Основываясь на столь лестномъ отзывѣ ученаго своего Сочлена, Академія не поколебалась назначить сему удачному опыту на столь мало обработанномъ и важномъ для Отечественной Исторіи полѣ половинную Демидовскую премію въ 2500 рублей. Намъ дозволено впрочемъ присовокупить здѣсь, что Авторъ, домогавшійся при семъ состязательствѣ не столько возмездія, сколько чести и поученія, узнавъ частнымъ образомъ предварительно о томъ, что трудъ его вѣроятно увѣнчается призомъ,

письменно объявилъ Г-ну Френу желаніе, чтобы премія, которая достанется на его долю, была употреблена на изданіе въ свѣтъ какой либо старинной Русской лѣтописи или другаго сочиненія по части Отечественной Исторіи, по выбору самой Академіи.

Наконецъ пятое и послѣднее изъ пятнадцати конкурсныхъ сочиненій, оказавшееся достойнымъ поощренія, есть разсмотрѣнная Г-ми Профессоромъ Фишеромъ и Академикомъ Беромъ:

Картина человѣка,

изданная Г-номъ Галичемъ, бывшимъ Профессоромъ Философіи при здѣшнемъ Университетѣ.

Важное и занимательное для науки, художества и житейскаго быта изображеніе человѣка въ двоякомъ отношеніи чувственно орудной и духовной жизни еще не нашло себѣ въ Россіи самостоятельнаго воздѣланія и даже скудные переводы антропологическихъ сочиненій, доселѣ имѣющіеся на Русскомъ языкѣ, не усвоили намъ ни одного изъ главныхъ твореній, которыми могутъ похвалиться въ новѣйшее время Франція, Англія и особенно по психической части, Германія. И такъ весьма достохвально предпріятіе Автора, принявшаго на себя трудъ выбрать самыя важныя мысли изъ лучшихъ антропологическихъ писателей новѣйшаго времени и соединить ихъ въ одну картину по собственному своему усмотрѣнію. Мы не можемъ не одобрить вообще сдѣланнаго имъ выбора матеріаловъ, а равно плана и расположенія книги. Изслѣдовавъ напередъ, въ чемъ именно состоитъ задача Науки, Авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію человѣка въ отношеніи къ природѣ, даетъ потомъ короткій очеркъ его тѣлесной и подробнѣйшую картину его духовной природы и наконецъ разбираетъ тѣло и душу во взаимномъ ихъ соединеніи. Двѣ послѣднія главы суть самыя обширныя, какъ по объему, такъ и по обилію содержанія. Способности души человѣческой изслѣдованы не только по всѣмъ ихъ направленіямъ, но и въ отношеніи къ наукамъ и искусствамъ, къ

Государственной и семейственной жизни. Уже разнообразіе и обширность взглядовъ заставили бы насъ догадываться, что Авторъ преимущественно образовался по руководству новѣйшихъ Нѣмецкихъ Психологовъ, еслибы онъ и не самъ въ томъ сознался. Со всѣмъ тѣмъ книга его отнюдь не есть простая компиляція, а безъ сомнѣнія собственное достояніе Автора, плодъ многолѣтнихъ трудовъ и изысканій. Въ физіологической части мы правда встрѣчаемъ только самыя извѣстныя истины, какъ сего и нельзя было ожидать иначе, но все изложенное обдумано съ большою ясностью и выражено коротко и опредѣлительно — доказательство, что Авторъ вполнѣ обладаетъ своимъ предметомъ. Въ психологическомъ отдѣленіи господствуетъ строгая послѣдовательность мыслей и Авторъ, здраво обдумывая со всѣхъ сторонъ предметъ, умѣетъ съ вѣрностью убѣждать читателя въ своихъ идеяхъ. Но если мы и должны согласиться, что предлежащая Антропологія, не столько назначенная для большой публики, или для настоящихъ Философовъ, сколько для мыслящихъ читателей, способна поселить въ образованныхъ сословіяхъ много полезныхъ мыслей, разливая свѣтъ на самыя разносторонныя отношенія людей; то мы съ другой стороны считаемъ себя въ правѣ отъ изображенія подобной картины ожидать высшаго достоинства слога, нежели находимъ въ сей книгѣ. Мы отнюдь не винили бы Автора за его уклоненія изъ сферы дидактической въ область поэзіи, еслибы слогъ его былъ только не много ровнѣе и благороднѣе выдержанъ и если бы мѣстами странные обороты не разочаровывали впечатлѣнія, производимаго на насъ прочими частями привлекательной его картины. Въ особенности намъ кажется, что какой то причудливый тонъ, которымъ Авторъ вѣроятно хотѣлъ поддѣлаться подъ юмористическій образъ изложенія, во многихъ мѣстахъ, а болѣе въ тѣхъ, гдѣ идетъ дѣло о практической сторонѣ человѣка, несовмѣстенъ съ цѣлію и достоинствомъ подобнаго сочиненія. Здѣсь, гдѣ мы ожидаемъ поясненія таинственной приро-

*

ды человѣка и разгадки внутренняго непоспижимаго его существа, обнаруживающагося въ разновидныхъ явленіяхъ жизни, намъ кажется неумѣстнымъ изображать страсти и слабости человѣка съ смѣшной ихъ стороны. Вподнѣ постигая всѣ трудности, какія должны были представиться Автору въ томъ отношеніи, что Русскій языкъ не совершенно еще достигъ философскаго своего развитія, мы не укоряемъ его за то или другое новосозидаемое имъ неблагозвучное слово, за иные изысканные, вынужденные обороты. Мы говоримъ здѣсь только о господствующемъ во многихъ мѣстахъ шуточномъ, и даже колко насмѣшливомъ тонѣ. Священное достоинство науки чуждо такихъ причудъ, а что Авторъ предпринялъ сей трудъ на пользу Наукъ, въ томъ ручается намъ многостороннія ученость и плоды начитанности, находимые нами почти на каждой страницѣ его книги.

Изъ вышесказаннаго явствуетъ, что Антропологія Галича конечно не принадлежитъ, какъ трудъ Сидонскаго, къ числу тѣхъ произведеній, которыми возвышается и облагороживается цѣлая литература какой нибудь націи, а только къ тѣмъ, которыя способны увеличить число людей здраво мыслящихъ въ народѣ, что если первое обращается преимущественно къ Философамъ, второе назначено для читателей, не получившихъ философическаго образованія, и что слѣдственно оба сіи сочиненія должны быть судимы по разному мѣрилу. Не смотря на то Академія, во уваженіе большой общеполезности сочиненія Г-на Галича, и удачно во всѣхъ отношеніяхъ избранной и обработанной имъ матеріи не преминула бы опредѣлить Автору полную премію, если бы онъ умѣлъ только лучше согласовать внѣшнюю форму съ достоинствомъ своего предмета. Въ настоящемъ своемъ видѣ, оно къ сожалѣнію отвратитъ отъ себя многихъ читателей, а въ другихъ ослабитъ впечатлѣніе, которое безъ того не замедлило бы произвести въ нихъ. По сей причинѣ Академія сочла справедливымъ назначить ему только второстепенную премію въ 2500 рублей.

Въ числѣ прочихъ конкурсныхъ сочиненій находилось еще одно, которое имѣло бы несомнѣнное право на увѣнчаніе преміею, еслибъ не вышло вторымъ изданіемъ и еслибъ по тщательномъ сличеніи съ первымъ не оказалось, что пополненія и поправки, которыми Авторъ обогатилъ его при второмъ выходѣ въ свѣтъ, не довольно существенны, что бы оправдать изъятіе изъ правилъ Положенія (IX. 3.)

Кромѣ Императорскаго Санктпетербургскаго Университета Академія должна была еще обратиться къ пяти частнымъ Ученымъ съ просьбою, чтобы они приняли на себя участіе въ разборѣ конкурсныхъ сочиненій. За ревностную готовность, какую она встрѣтила и въ этотъ разъ и за превосходные разборы, которые были ей доставлены и почти безъ изъятія служили основаніемъ собственнаго ея сужденія, она обязана посторонним Коммисарамъ своимъ живѣйшею благодарностію, каковую и изъявляетъ публично при семъ случаѣ. Въ знакъ сей признательности она опредѣляетъ:

Золотую медаль, достоинствомъ въ 12 червонныхъ. Г-ну Профессору *Фишеру*, какъ Коммиссару Университета, за разборъ сочиненій Сидонскаго и Галича.

Гг-амъ Коллежскимъ Совѣтникамъ *Кеппену* и *Востокову* за разсмотрѣніе Словаря Соколова. Послѣднему изъ сихъ Рецензентовъ еще препорученъ былъ разборъ двухъ другихъ сочиненій, изъ коихъ одно, поступившее уже по прошествіи срока состязанія за 1834 годъ, отложено къ конкурсу нынѣшняго года.

Золотую медаль въ 8 червонныхъ.

Г-ну Коллежскому Секретарю *Бередникову* за препорученный ему Г-ми Кругомъ и Шегреномъ разборъ вышеупомянутой Велико-Устюгской лѣтописи.

Прежде заключенія нашего отчета за нынѣшній годъ, мы считаемъ еще своею обязанностью довести до общаго свѣдѣнія о разсужденіяхъ, происходившихъ въ Академіи

на счетъ увѣнчаннаго въ 1832 году творенія Г-на Профессора Паукера въ Митавѣ: Руководство къ Метрологіи Россійской Имперіи и Нѣмецкихъ ея провинцій.

Въ означенномъ году опредѣлена была сему превосходному сочиненію полная Демидовская премія и, какъ оно заключалось въ рукописи, то Автору обѣщано было еще 5000 рублей на покрытіе расходовъ изданія, если онъ воспользовавшись замѣчаніями Рецензентовъ, а особенно Г-на Академика Круга, велитъ перевести свой трудъ на Русскій языкъ и представитъ его Академіи по прошествіи трехъ лѣтъ. Срокъ сей минулъ сегодня, но сочиненіе еще не напечатано. По этому поводу Г. Профессоръ Паукеръ писалъ мнѣ 29-го Іюня прошедшаго года слѣдующее: „— За два года тому назадъ Академія пригласили меня передѣлать нѣкоторыя части моего сочиненія. Я немедленно принялся за работу, чувствуя самъ необходимость дать ему прочнѣйшее ученое основаніе. Я заказалъ у одного искуснаго здѣшняго художника разные приборы, необходимые для опредѣленія абсолютнаго вѣса воды. Прошло около полугода, пока сіи снаряды были готовы. Весною 1833 года я получилъ чрезъ Г-на Струве копію Лондонскаго ярда и не прежде протекшей зимы Англійскій Тройскій фунтъ. Между тѣмъ я непрерывно занимался ревизіею Французской и Англійской системы мѣръ и вѣсовъ, безъ которой нельзя и помышлять о ученомъ основаніи нашей. Теперь наконецъ вся работа готова и составила особое сочиненіе, въ 50 листовъ мелкаго письма. Недавно навѣстили меня Г. Академикъ Струве, отправляясь въ чужіе краи и Г. Профессоръ Парротъ изъ Дерпта. Они со всею точностію изслѣдовали мои приборы; удачная отдѣлка оныхъ заслужила полное ихъ одобреніе и имъ угодно было благопріятно отозваться на счетъ моей работы, коей ходъ и выводы я имъ подробно изложилъ. Они совѣтовали немедленно послать трудъ мой Академіи. Между тѣмъ мало по малу приближался назначенный мнѣ срокъ, Апрѣль 1835 года, и я видѣлъ предъ собою совершенную невозможность изготовить къ тому

времени переводъ и печатаніе книги и даже при здѣшнихъ обстоятельствахъ покрыть издержки того и другаго означенною суммою, потому что сочиненіе чрезвычайно увеличилось въ объемѣ и содержитъ въ себѣ множество формулъ и чиселъ. Сверхъ того я узналъ отъ Г. Струве, что Министру Финансовъ благоугодно было учредить для повѣрки Русскихъ мѣръ и вѣсовъ особую Коммиссію, коей членомъ назначенъ между прочимъ также Г. Академикъ Купферъ. Мѣры, каковыя примѣтъ сія Коммиссія, мнѣ совершенно неизвѣстны, но очень возможно, что она уклонится отъ основаній моихъ изслѣдованій и выкладокъ, и тѣмъ сдѣлаетъ мою книгу неполною и безполезною.„

„Если напримѣръ Г. Купферъ, получившій нынѣ отъ Г-на Академика Струве тотъ же самый Тройскій фунтъ, которымъ я пользовался, найдетъ другое отношеніе его къ Русскому образцовому, нежели каковое я извлекъ изъ доставленнаго мнѣ Академіею образчика, то Коммиссія конечно придастъ силу закона его опредѣленію, какъ болѣе подлинному. Это опровергнетъ всѣ заключающіяся въ моей книгѣ числа. И такъ для вѣрнѣйшаго успѣха мнѣ слѣдовало бы приступить къ печатанію не прежде какъ по окончаніи трудовъ Коммиссіи, дабы включить въ мою книгу окончательныя ея опредѣленія. Это замедлило бы изданіе на нѣсколько лѣтъ. И потому я рѣшился отдать Академіи въ полное распоряженіе всю рукопись со всѣми новѣйшими ея пополненіями. Я буду доволенъ всѣмъ, что назначитъ мнѣ Академія, будетъ ли то полная премія или менѣе того, и предоставляю на благоусмотрѣніе Академіи, захочетъ ли она напечатать сочиненіе мое во всей его полнотѣ или съ любыми перемѣнами и сокращеніями . . Но чтобы Академія могла предварительно судить о вновь передѣланныхъ частяхъ сочиненія, я имѣю честь препроводить у сего краткій ихъ перечень и прошу васъ покорнѣйше представить его Академіи. Я былъ бы очень радъ, еслибъ вы велѣли помѣстить его въ своемъ журналѣ.“

— Во уваженіе обстоятельствъ, замедлившихъ изданіе сочиненія Г-на Паукера и отчасти приносящихъ честь совѣстливости и трудолюбію Автора, отчасти же приключившихся совершенно случайно и ни мало не ослабляющихъ достоинства и заслуги сочиненія и пользы его въ отношеніи къ исторической и нумизматической частямъ, Академія рѣшила:

1. Оставить Г-ну Паукеру право на обѣщанную ему премію и на вознагражденіе издержекъ печатанія на прежнемъ основаніи, тѣмъ болѣе, что Академія во время присужденія преміи, сама не имѣла свѣдѣнія о учрежденіи Коммиссіи и ея работахъ.

2. Касательно срока, предоставить на волю Г-на Профессора Паукера или немедленнымъ изданіемъ своего сочиненія предупредить обнародованіе трудовъ Коммиссіи, въ каковомъ случаѣ значительная часть его изысканій конечно вскорѣ потеряла бы вѣсъ свой, потому что не возможно ожидать совершеннаго соотвѣтствія результатовъ, или переждать напередъ появленіе въ свѣтъ трудовъ Коммиссіи; и въ такомъ случаѣ поставить ему въ обязанность, чтобы онъ привелъ въ согласіе свои вычисленія съ выводами Коммиссіи, которымъ придана будетъ сила закона.

3. Разрѣшить его отъ обязанности издать въ свѣтъ свое сочиненіе на Русскомъ языкѣ, по тому уваженію, что трудно было бы найти въ Минавѣ хорошаго Переводчика и Корректора и что его сочиненіе принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которыя по силѣ положенія (VII. 10) могутъ быть писаны также на иностранномъ языкѣ; и напослѣдокъ

4. Отпечатать вмѣстѣ съ нынѣшнимъ отчетомъ извлеченіе изъ прибавленныхъ вновь пополненій къ первому тому Русской Метрологіи, и отдать 100 экземпляровъ въ распоряженіе Автора.

Другаго рукописнаго сочиненія, которому Академія за два года присудила полную Демидовскую премію и вознагражденіе издержекъ писненія, а именно Эпимологическаго Словаря Г-на Рейфа, недавно, какъ извѣстно, вышелъ изъ печати первой томъ и какъ по сужденію Комиссаровъ, которымъ въ то время было препоручено разсмотрѣніе сего труда, Авторъ въ точности исполнилъ всѣ приняпыя имъ обязательства, то Академія разрѣшила выдать ему на этотъ разъ сумму 5000 рублей на покрытіе издержекъ печатанія, самую же премію приостановила еще до выхода въ свѣтъ втораго тома.

Z67
A641
183

	DATE DUE		

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305